

ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЕКТ ЧЕЛОВЕКА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Тамара ДЛУГАЧ

доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора истории западной философии. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: dslugatsch@yandex.ru

ТРЕТЬЕ ЕВАНГЕЛИЕ Н. БЕРДЯЕВА

Огромной заслугой Н. Бердяева перед философией признаётся обращение его к теме творчества. Творчество считается чертой, общей человеку с Богом, сущностью человека и умножением мира. Если прошлая эпоха была эпохой раскаяния и искупления, то будущее характеризуется как эпоха творчества. В процессе творчества человек создаёт новое, небывалое, выступает почти как Бог. С восьмого дня творения, по Бердяеву, совершается создание нового Адама, творящего Адама, близкого Богу своей творческой мощью, хотя и не всегда даются полноценные доказательства.

При анализе использовался сравнительно-исторический подход и метод сопоставления всеобщего и единичного. Акцент сделан на культурно-индивидуальных особенностях мышления Н. Бердяева.

Новизна состоит в выделении творческих усилий человека как главной его характеристики. Творчество связывается со свободой, которая впервые полагается не в Боге, а в мистически-иррациональной основе, *Ungrund'e*. В этой же точке совершается рождение Бога; динамика Божественной жизни связана с появлением Христа. Внимание заостряется на противоречиях Бердяева с канонической религией.

Ключевые слова: Бог, раскаяние, творчество, антрогинизм, искупление, зло, свобода, святость, послушание, теодицея

Н Бердяев, выдающийся русский мыслитель, был религиозным философом, как и многие его современники. Конечно, это была не каноническая религиозная концепция. Она была нацелена главным образом на нахождение сущности человека и выявление смысла человеческой жизни в философском и метафизическом планах. Может быть, никто из его философского окружения не проник так глубоко в тайны человеческого бытия и не объяснил так логично цель истории, как Бердяев. Современники с ним не соглашались, но признавали оригинальность его мысли и дерзость намерений. С ним и сегодня не соглашаются многие, не переставая удивляться его эрудиции, оригинальности толкования и смелости сюжетов. Все главные идеи изложены в трёх основных работах: «Смысл истории» [4], «Смысл творчества» [5], «Философия свободы» [8]; темы всех трёх пересекаются и углубляют друг друга.

Глубоко верующий человек, Н. Бердяев не смущается, однако, тем, что ради достижения своих философских целей ему приходится несколько менять рисунок на привычной религиозной канве. Религиозные цели для него совпадают с понятиями совершенно по-новому целями человеческого бытия. Введением во все проблемы его философии стала работа «Смысл истории», в основу которой были положены лекции, прочитанные в Москве в Вольной Академии Духовной Культуры в 1919–1920 гг. Здесь автор отчасти повторяет мысли, уже высказанные ранее в 1911 и 1916 гг., отчасти поясняет их.

Что же такое история, каким образом человек проходит её, что ищет он в истории, меняется ли она существенно или нет? – Для Бердяева история представляет собой движение человечества, которое непременно имеет свой конец; если нет завершения, то нет и истории. «История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему истлели, почему страдали в жизни, и чего заслужили в вечности, если весь хронологический ряд истории вытянулся в одну линию и для всего найдётся окончательное место. Вопрос о смысле истории и есть вопрос о происхождении зла в мире, о предмирном падении и об искушении» [8, с. 212]. При этом история, конечно, состоит в изменении самого человека – не в физическом, а в духовном и религиозном смыслах как чувство причастности былому. Понятие «исторического» входит в самосознание человека и касается оно всеохватывающего чувства не ближайшего периода, а всего протяжения истории.

Само представление о том, что жизнь человеческих поколений представляет движение, вошло, по Бердяеву, вместе с иудейской религией; в религиозных представлениях это было связано с надеждами на мессию. Как пишет Н. Бердяев, основной темой он считает тему судьбы человека, которая ставится во взаимодействии человеческого духа и природы.

«Тема о всемирно-исторической судьбе человека есть тема об освобождении творящего человека из недр природной необходимости, из этой природной зависимости и порабощённости низшими стихийными началами» [4, с. 87].

История проходит ряд ступеней, на каждой из которых у человека своя цель, свои задачи, свои желания. Бердяев отрицает две прежние достаточно распространённые исторические концепции, одной из которых он прежде восхищался. Это Марксова философия истории; теперь Бердяев утверждает, что экономический материализм берёт в качестве основы лишь внешние факторы, совершенно не учитывая жизнь духа. «Маркс окончательно отрицает самоценность человеческой личности, – пишет он, – видит в человеке лишь функцию материального социального процесса и подчиняет и приносит в жертву каждого человека и каждое человеческое поколение идолу грядущего *Zukunftstaat'a*, и блаженствующего в нём пролетариата» [5, с. 83]. Обвинение не вполне справедливое: у Маркса, как мы теперь знаем, есть и жизнь духа, и творческие порывы личности; правда их обоснование осуществлялось в тех работах, которые не были в те годы известны, – в «Философско-экономических рукописях» 1844 и 1857 гг. [15]. Речь об этом пойдёт дальше, и станет видно, как был неправ Бердяев.

Другая точка зрения, вызвавшая критику нашего автора, это теория прогресса, связанная с марксизмом. Дело не только в том, что прогресс противоречив и что наряду с положительными чертами он содержит и отрицательные. Дело в том, что с этой точки зрения каждое прежнее поколение приносится в жертву последующему. Более раннее берётся только как бы в качестве ступени, подготавливающей более высокую ступень и не имеющей самостоятельного значения. По Н. Бердяеву же, каждая ступень, каждая эпоха имеет собственный смысл – и в этом он, безусловно, прав.

Чтобы понять смысл истории, Бердяев делит её на несколько этапов, опираясь на религиозное толкование и соединяя движение человеческой истории с Божественной. При этом возникает множество проблем, как общих у Бердяева с каноническим богословием, так и типичных только для него. Не всегда он разрешает эти проблемы, но сама их постановка и даже только подход к ним свидетельствуют об оригинальности его мысли.

Динамику в божественную историю он вводит для того, чтобы объяснить появление человека и Христа; ведь их не было в самом начале Божественного бытия; Иисус появляется для того, чтобы искупить человеческие грехи и распространить в человеческом мире любовь, а человек – потому что он совершенное Божественное творение.

Человек с самого начала был нужен Богу, ибо Бог есть только там, где есть человек, нуждающийся в Боге. Но Иисус нужен в особой ипостаси – как любовь, как благодать и как искупительная жертва. Раз его появление – первое пришествие – значит, раньше Христос не являлся,

хотя тоже как будто был – ведь не мог Бог не быть. Вся история двигалась к его рождению, и если прежде Божественное бытие было для человека страшным и ужасным, то Христос озаряет бытие светом радостью и любовью. Но Божественная история развёртывается дальше, а вместе с ней человеческая – люди ждут второго пришествия, которое будет концом истории. Этот конец (как и будущее у Маркса) чисто утопический – известно только, что история закончится, так как будут оживлены все поколения и не родятся новые. Причём речь идёт не только о бессмертии души, речь идёт, как и в канонической религии, о телесном воскрешении. Люди как бы обретут свою прежнюю земную оболочку (вместе с прежней душевной и интеллектуальной силой), но что они будут делать – неизвестно. Интересно, что в будущей жизни Бердяев отказывает им в том, что было смыслом жизни земной, – в творчестве; собственно, о нём ничего не говорится.

С каноническими представлениями расходятся у Н. Бердяева представления о содержании разных этапов человеческой истории и признании творчества сутью человеческого существования. Первый этап – Ветхозаветный – отличался грехопадением и ужасом перед Богом; второй этап, связанный с Христом, характеризуется искуплением греха и раскаянием. Это целый религиозный период человеческой жизни; все верующие каются, обращаются с покаянными молитвами к Творцу, обвиняют себя в непослушании. Все люди (даже и неверующие) несут этот груз тяжёлого греха и пытаются его изжить безгрешной жизнью, помощью Христа и его благодатью. Здесь возникает ещё одна трудность: без благодати человеку не избавиться от наказаний, тогда зачем, спрашивается, нужна его свобода для борьбы со злом? Что бы он ни делал, ему не очиститься от скверны. К чему же тогда праведная жизнь и свобода? Или без этого также не изжить грех, как без благодати? – Да, это так же, как и благодать, важная составляющая искупления. Интересно, что запрет вкушать от древа познания и последующее наказание за непослушание исходят не от Бога – по убеждению Н. Бердяева, и то, и другое «задано» «предмирно» и «предвечно», т. е. до появления человека. Причины этого будут раскрыты в конце статьи. Остаётся непонятным, правда, с Богом тоже эти вещи связаны или нет? Во всяком случае такое объяснение – не каноническое толкование.

Это относится к первому этапу истории. Но самым важным признаётся этап творчества, которое осуществляет человек. По Бердяеву, творчество – сокровенный смысл человеческого бытия; этому свойству он посвящает основную свою работу 1916 г. – «Смысл творчества» [5]. На всех страницах этого сочинения Бердяев утверждает творчество как неотделимую черту человека.

Покаяние и очищение – лишь один из моментов человеческой жизни; не только они удел человека. Бердяев убеждён в том, что они – только **отрицательная** сторона жизни; ветхозаветное христианство не

есть полная и окончательная истина. Второй евангельский Завет тоже имеет отношение к искуплению греха через божественную любовь и благодать. Но исчерпывается ли окончательная задача жизни и бытия в целом тайной искупления, можно ли считать окончательной задачей лишь спасение от греха? – Нет, убеждён автор, конечные цели бытия лежат в положительной творческой задаче. Человеческая природа, подобная Творцу, не могла быть сотворена Творцом лишь для того, чтобы человек, согрешив, мог искупить свой грех и в дело искупления вложить все свои силы на протяжении мировой истории. Такое понимание, считает он, принижало бы достоинство человека и не соответствовало бы идее Творца.

Творческая задача составляет **положительную** сторону человеческой жизни, и она противостоит искуплению. В таком противопоставлении обе стороны равны и обе одинаково угодны Богу. Гениальность в творчестве ценна для Бога так же, как подвижничество святого. И в этом – заслуга Бердяева – не ограничиться канонически-религиозным признанием сверхценности святости, подвижничества, а ввести в понятие человека его собственное достояние – творчество; творчество Пушкина столь же угодно Богу, как и подвижничество С. Саровского. Здесь Н. Бердяев выступает как создатель третьего Евангелия, которое о творчестве.

Первое Евангелие – о грехопадении человека, о его страшной вине перед высшей силой. Поэтому Бог на первых порах человеческой истории ужасен и страшен для него. Второе Евангелие вносит спасение и мир в человеческую душу: появляется Христос, он приносит любовь; человек перестаёт бояться Бога, он сливается с другими людьми и с Христом в любви. Это ещё всё же эпоха религиозного раскаяния. Все чувствуют свою вину, все каются и выходят к новой жизни. Но она наступает тогда, когда начинается новая эпоха, эпоха творчества.

Для Бердяева родство человека с Богом – в творчестве. Бог – это Творец. Бог сотворил за 7 дней небо, землю, растения, животных, человека; он поставил человека выше всего, воплотил в нём весь макрокосм; человек – это макрокосм в микрокосме. Человек не только природное существо, но и сверхприродное именно потому, что ему присуще творчество. Он продолжает на Земле дело Бога. И 8-й день творения – это рождение Нового Адама, творящего Адама как нового человека.

Творчество – это глубочайшая тайна человека, определяет Бердяев; он творит, как Господь Бог, из **ничего**. Бог создал Землю и всё остальное из ничего; человек из **ничего** создаёт **небывалое**, он увеличивает своими деяниями бытие, умножает его.

Картины, музыка, поэзия – всё это примеры творения из ничего, из своего Духа. И если первое Евангелие – родство с Богом-Отцом; второе Евангелие – близость с Богом-Сыном, то Третье Евангелие – деятельность в Духе Святом. Человек начинает творить сразу, как только по-

является на свет; и в Античности, и в Средневековье, и в Новое время происходят творческие достижения, но не было ещё религиозной эпохи творчества, как думает наш автор, она – впереди.

По объяснениям Н. Бердяева, не совсем понятно, когда эта эпоха начинается – то ли вместе с появлением Христа, то ли Христос служит как бы мостиком между второй эпохой искупления и третьей – эпохой творчества. Но как бы то ни было, ясно, что сущность человека – творчество. И здесь несомненно велика заслуга Бердяева. Никто из мыслителей не поднялся до признания этого. Цель творческого порыва, с его точки зрения, – достижение иной жизни, «восхождение в бытии» [5, с. 112]. «Человеческая природа – творческая, потому что она есть образ и подобие Бога-творца» [5, с. 103].

Н. Бердяев обращает внимание на то, что ни в одном Евангелии нет ни слова о творчестве. Казалось бы, это удивительно, так как ведь речь идёт о существеннейшем свойстве человека; но он находит этому объяснение и как будто верное. «В Евангелие нет ни одного слова о творчестве, и никакими софизмами не могут быть выведены из Евангелия творческие призывы и императивы. Благовестие об искуплении греха и спасении от зла не могло раскрыть тайну творчества и указать путь творчества. Иначе это было бы послушанием, а не творчеством. Сама мысль о таких наставлениях звучит дико. Пути творчества не открыты человеку. В деле творчества человек предоставлен сам себе, и в этом – великая премудрость Божья. Здесь свобода, здесь нет закона. Творчество сокрыто. Творчество не в Отце и не в Сыне, а в Духе и потому выходит из границ Ветхого и Нового Завета. Где дух, там свобода, там и творчество. В творчестве человек открывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную Божественную мощь» [5, с. 91].

Вновь Н. Бердяев упрекает К. Маркса и упрекает несправедливо – в том, что тот не доходит до этой главной человеческой силы – творческой. Но Маркс в своих экономически-философских рукописях выходил за рамки экономики; он определял свободу как то, что лежит за границами собственно материального производства, но, напомним, не знал Бердяев этих работ, они появились позже.

Творчеству Бердяев посвящает множество страниц в данной книге. Творчество – это путь духовного освобождения от мира, освобождение духа человеческого из плена необходимости, это великое завоевание человечества. Это путь духовной подлинности и сосредоточенности. Пленённость духа миром есть порождение нашего греха. Но надо освободиться от упрёков в том, что человек – грешное существо, падшее существо, поэтому он не может вступить на путь творческой жизни. Освобождаясь путём искупления и раскаяния, человек освобождается от греха для творческого пути. Потому что это великая ложь и страшная ошибка, отсюда растёт равнодушие к добру, отказ от мужественного сопротивления злу.

Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. Ужас, боль, расслабленность должны быть побеждены творчеством, который – исход, победа. Человеческая природа через Абсолютного Человека – Христа уже стала природой Нового Адама и соединилась с Божественной. Бесконечную имманентную помощь человек найдёт в себе самом, если решится раскрыть в себе творческим актом все силы Бога и мира, свободного мира в отличие от мира призрачного.

Творчество чётко связывается со свободой человека, но об этом – позже; сейчас же в контексте высказанных обоснований творчества и искупления высказывается также и идея, подводящая к фундаментальным вопросам, – идея о предвечности и предмирности грехопадения, о чём упоминалось выше; мысль совершенно неканоническая и вызывающая споры. «Первородный грех не мог иметь своего начала во времени и в этом мире. Грехопадение совершилось предвечно и предмирно» [8, с. 3]. – Но если это так, то может ли человек освободиться от первородного греха? Даже если Ева захотела бы послушаться Бога, не захотела бы попробовать плода с дерева познания, смогла она бы поступить так? Ведь предназначено было нарушение. Не отнимается ли тем самым свобода у человека? Пусть свобода ко злу. Или она остаётся, но только соотносённая с благодатью? Кроме того, призыв Змия к Еве: «будете как Боги» вроде бы не таит в себе ничего дурного, почему Ева и послушалась Змия. Эти вопросы Бердяев даже не ставит, а между тем признание предмирности и предвечности греха лежит вне канонических объяснений и бросается в глаза.

Замечания относительно предмирности греха, о том, что история вневременна и все акты существуют извечно – и вместе с тем следуют друг за другом, также не проясняют сути дела. Вместе с первородным грехом всплывает и тема сексуальности.

Тема сексуальности, достаточно тесно связанная также с творчеством, занимает значительное место в концепции Н. Бердяева. Мужественность и женственность, согласно Бердяеву, пронизывают всю человеческую личность в целом, «она разлита по всему существу человека и определяет всю совокупность жизни» [8, с. 7]. – «В сексуальности человека узнаются все метафизические корни его существа». Это – не какая-то отдельная черта; когда мы говорим, например, о мужестве, мы предполагали все свойства личности, пронизанные ею: мужчина ведёт себя «как мужчина», он силён, благороден, добр и т. п. Но видно, по всему разделу, что секс вызывает у автора не просто отрицательное отношение, но он относится к нему чуть ли не брезгливо. Если секс вызывает у людей чувство удовлетворения, то это чуть ли не основание считать его нечеловеческим, животным, схожим у человека с курицей или козой. Поэтому Бердяев от него отрекается. Странно, однако, что он не вспоминает, например, Ромео и Джульетту, для которых близость была самым сильным воплощением любви и чувством чисто человеческим.

Да и вообще любовная лирика всех времён, романы, трагедии говорят о всепоглощающем чувстве любви по крайней мере половины мужчин и женщин, не сводящейся к сексу.

Для Бердяева это не так. Сексуальная энергия не просто сковывает творческие порывы, она представляет собой нечто низменное и презренное. Деторождение, которым в религиозном контексте оправдывается сексуальный акт, для Бердяева, напротив, дополнительное отрицательное средство: ведь производится не только жизнь, но и идущая за ним смерть, бесчисленное множество смертей, так сказать, дурная бесконечность. Личность разбивается в роде, уничтожается в нём, теряет свою уникальность. «Не бессмертие и вечность ждёт личность в сексуальном акте, а распадение в множественности рождаемых новых жизней» [5, с. 187].

Поэтому освобождение личности от секса есть освобождение от рода, так как в половой жизни, возникающей из жажды наслаждения, торжествуют не запросы личности, а интересы рода. Связь людей по духу в сексуальном акте подменяется родовой связью по плоти и крови. В этом плане сегодняшнее человечество Бердяев определяет как псевдочеловечество. Хотя в Новом Завете, напоминает он, уже чувствуется рождение новой связи – не по необходимости, а по Духу, истинное воссоединение мужского и женского ещё сокрыто.

Н. Бердяев думает, что он-то открывает эту истинную связь. Но так ли это? Открывается ли она в обращении к андрогину или в таких высказываниях: «Лишь в нашу переходную эпоху можно серьёзно в этом усомниться (в том, что половой акт – настоящее человеческое чувство. – Т.Д.). Всё органически-родовое находит свой конец в механически-искусственном автоматизме» [5, с. 192], тогда как «в глубине пола творчество должно победить рождение, личность – род, связь по Духу – природную связь по плоти и крови. Это может быть лишь выявлением нового, творящего пола, откровением творческой тайны о человеке как существе половом. Это может быть также лишь откровением андрогинической богоподобной природы человека» [5, с. 194]. Автор обращается к идеям Н. Фёдорова [17], поясняя, что они, нацеленные на воскрешение отцов, более соответствуют связи по Духу, чем деторождение, и что они близки его мыслям.

Христианство Н. Бердяев упрекает в том, что хотя в Новом Завете чувствуется новая связь, но истинное соединение мужского и женского всё же остаётся там сокрытым. Но и у него самого есть только намёк.

Действительно, сегодня, когда стало возможным искусственное оплодотворение и выращивание детей «из пробирки», вновь поднимается вопрос о смысле полового акта. Кажется, что Мария уже сегодня затмевает значением Еву. В будущем, по Бердяеву, победит антропогизм, т. е. слияние мужского с женским, но, во-первых, непонятно, как это осуществится – это пожелание даже утопичнее, чем акт воскреше-

ния. Во-вторых, что останется от мужчины и женщины после акта воскресения? Ведь последний несёт с собой не только бессмертие души, но воскресение тела; а что останется от тела, если не будет пронизывающих всю личность мужского и женского начал? Может быть, мужчина будет телом мужчины, а женщина – телом женщины, но без сексуальной потребности? Вроде как волк перестанет быть волком, ложась рядом с ягнёнком? – К этим вопросам Бердяев даже не подходит, хотя они прямо-таки напрашиваются на раздумья. Он оставляет воскресение на будущее, часто не вникая в его содержание, как это бывает во всякой утопии. Далее мы видим, что тема первородного веха, сексуальности и свободы завязаны в один узел.

Для верующего человека понятие свободы связано главным образом с ситуацией зла–добра: свободный праведник выбирает добро, но как ни странно, история началась не с выбора добра, а с выбора зла нашими прародителями. Почему это было так? – Потому, что история должна была двигаться, но не ко злу, а именно от зла к добру? К рождению Иисуса?

Но если обсуждать проблему в философско-метафизическом плане, то свобода связана ещё и с творчеством и даже в большей степени, поскольку пути творческих исканий неисповедимы, поскольку нет никаких правил для творческих порывов; раз оно не послушание, то творчеству естественно принадлежит свобода. Человек свободно рождает новое, ещё невиданное, и не будь свободы, оно бы не появилось. Вот эту тему и развивает Н. Бердяев. Автор с самого начала пишет о том, что «свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать». Как и творчество, свобода коренится в глубине человеческого существа, и одно неразрывно связано с другим. Интересно, что свобода коренится не в Божественном бытии, а гораздо глубже, о чём речь пойдёт ниже, хотя и этот ответ чреват вопросами.

Согласно нашему автору, свобода в религиозной жизни есть обязанность, долг. Человек обязан нести бремя свободы и не имеет права сбросить его, Богу нужны только свободные. Именно христианство есть содержание свободы. И ответ на вопрос, почему Бог допустил в мире зло, обусловлен ответом: не допустил его, а дал человеку свободу, чтобы тот **сам** выбрал добро или зло. Отсутствие изначально одного добра утверждает **самостоятельность** человека. Если бы существовало только добро, не из чего было бы выбирать. Свобода, думает Бердяев, ограничивается только любовью, собственно, они – одно и то же. Это провозглашает Иисус.

Только свобода и даёт ответственность; без свободы человек – раб; он ничего не принимает сам и поэтому ни за что не отвечает. Человек, правда, живёт в двух мирах – в мире небесной свободы и в мире природной необходимости; но свобода побеждает необходимость. Философ останавливает внимание на различии формальной и материальной сво-

боды: в формальной человек утверждает – я хочу, чтобы было то, что я хочу; в материальной – я хочу, чтобы было то-то, т. е. утверждает некий предмет. Знание тем и отличается от веры, что оно действует принудительным путём: надо принимать за истину то, что предлагается. Вера предполагает свободный подвиг отречения от принудительной власти видимых вещей.

Вполне в духе канонической религии наш автор утверждает, что лишь внутри тайн бытия осуществляется общение живых и умерших, происходят все тайны церкви. В природе вино и хлеб не превращаются в кровь и плоть. Государство и закон – это Ветхий Завет человечества, церковь и благодать – Новый Завет... Внутри него нет ни закона, ни государства, есть только благодать, любовь и свобода – довольно смело разъясняет он, учитывая, что и сегодня церковь признаёт государство и закон. Так – потому, что Новый Завет не отрицает Ветхий. Гонения на свободу совести никогда не были церковными, утверждает Бердяев, то был грех человеческий. Правда, трудно признать преследования Галилея или Коперника грехом не церковным; автор уж слишком хочет оправдать неблагоприятные дела церкви. Окончательное преодоление церкви, по его словам, есть в то же время окончательное преодолением природы. Но возможно ли это? Человек ведь всё же наполовину природное существо или Бердяев идёт здесь путём Фихте, преодолевая всю природу?

Если же речь идёт о свободе в творчестве, то гений никогда не отвечает требованиям мира, никогда не исполняет законов мира; в гениальности всегда есть какое-то «неудачничество» перед судом мира, почти ненужность для мира. В ней нет ничего специального, она всегда универсальна – мы понимаем Данте и сегодня, а наши потомки поймут и Микеланджело. Гениальность – это особая направленность целостного духа человека, а не специальный дар. Она, по убеждению Н. Бердяева, всегда религиозна, ибо есть прорыв к миру иному, иная онтология человеческого существования, неприспособленность к миру сему... Творчество, раскрывающееся в гениальности, обрекает себя на гибель в мире этом. Таким образом, творчество в основном характеризует будущее, а не настоящее; но нет ли в этом чего-то аналогичного критике прогресса, который Бердяев отвергал, – настоящее и прошлое приносятся в жертву будущему? Тем более автор всё время подчёркивает, что будущая эпоха будет не религиозной эпохой искупления, а религиозной эпохой творчества, т. е. чем-то более высоким. И всё время подчёркивается также, что в будущем индивид преобладает над родом, а не наоборот, как теперь. Ведь именно личность осуществляет творчество, а не некий безадресный род.

Философ говорит далее о печальной судьбе гениев, как бы указывая, что они – не от мира сего. Но вообще-то мы признаём, что творцы создают не только тот мир, но и этот: сегодняшний мир изменяется после изобретения паровозов, самолётов, телефонов, картин, поэм и т. д. Это всё – сегодня, а не в будущем.

Вполне в духе канонической религии Н. Бердяев настаивает на том, что «женщина вне связи с мужским началом была не вполне человеком, в ней слишком сильна тёмная природная стихия, безличная и бессознательная» [5, с. 177]. И всё же не мужчина и не женщина образец и подобие Божье в человеке; дифференциация на мужское и женское есть следствие падения Адама. Но кто творит, если нет пока истинного андрогинного человека? Творит всё же неистинный человек – мужчина и женщина? Искажается ли вследствие распада андрогина содержание творчества? И хотя Бердяев уверяет, что «образ и подобие Божье всё же сохранилось в человеке, и в мужчине и в женщине, человек остался в корне своём существом бисексуальным, андрогиническим» [5, с. 178], непонятно, как это? Подобные утверждения дают основание критикам философа упрекать его в отсутствии здравого смысла.

Такие доказательства идут в контексте религиозных обоснований, хотя идея антропогинизма – специфически бердяевская.

С различных сторон наш автор отстаивает идею антропогинизма. Он пишет о том, что человек погиб бы безвозвратно, если бы андрогинистический образ исчез в нём окончательно; что вся сексуальная жизнь есть мучительное и напряжённое искание утерянного андрогинизма, воссоединения мужского и женского в целостное существо. Он ссылается здесь на Платона, говоря, что тот наиболее чутко уловил андрогинизм, особенно в своём диалоге «Пир».

Но и Адам, как он думает, уже не был только мужчиной, он был и женщиной, и Христос также. Проблема пола, как мы видим, встаёт в единстве с проблемой андрогина и творчества.

Связь творчества со свободой мы ясно видим, но не понимаем, где их корни. В подлинном смысле слова, то и другое есть тайна, заключает Бердяев. «Тайна свободы бездонна и необъяснима...» [8, глава II, 2]. И всё же, несмотря на то, что свобода это тайна, Бердяев не перестаёт обсуждать её. Обсуждает он её и в единстве с проблемой зла.

«Если зло и страдания жизни, смерть и ужас бытия не являются результатом предмирного преступления, богоотступничества, великого греха всего творения, свободного избрания злого пути, если нет коллективной ответственности всего творения за зло мира, нет круговой поруки, то теодицея невозможна, то бытие не имеет никакого смысла и никакого не может иметь оправдания. Возложить на творца ответственность за зло творения есть величайший из соблазнов духа зла, отравляющий источники религиозной жизни» [5, с. 137].

Откуда же зло? И как оно связано со свободой? С Богом?

Одна из задач Бердяева на этом пути объяснения – доказать, что зло не содержится в Боге, что Бог не хочет зла ни одному из своих созданий и что поэтому не он налагает наказания на согрешивших Адама и Еву. Для этого Бердяеву надо найти настоящий источник зла, и если он – не в Боге, то – где-то раньше, раньше появления Бога. Обращение к мисти-

кам – как будто единственная возможность решить эту задачу. Бердяев высоко оценивает Я. Бёме и Шеллинга, предположивших наличие некоей «тёмной бездны», *Ungrund'a*, и М. Экхарта, назвавшего первоначальный источник всего – *Hottnes'ом*; именно отсюда появляется Бог, да и сама свобода заключена в этой неопределённой основе. Она не бытие и не небытие, не добро и не зло, нечто лишённое всяких определений и нечто совсем туманное. Бог возникает отсюда. Но как он может появиться, если он вечен? И Экхарт отвечает: «Будучи однажды спрошен, почему Бог раньше не сотворил мира, он и в этот раз, как и теперь, дал ответ, что Бог не мог раньше сотворить мира, поскольку ничто не может действовать прежде, чем оно есть. Поэтому, как только Бог начал быть, он тотчас же сотворил мир» [22, с. 314]. Тем самым Экхарт подтверждает, что Божественная жизнь имеет историю, имеет начало, появляется именно из бездны. Сам Н. Бердяев пишет: где-то в несоизмеримо большей глубине есть *Ungrund*, **бесосновность, к которой неприменимы никакие человеческие слова, неприменимы не только категории добра и зла, но неприменимы и категории бытия и небытия.** Это глубже всего, и это есть первоначальный исток, который составляет, как учит Бёме и вслед за ним Шеллинг, тёмную природу в Боге. Чтó в природе Бога, глубже Его, лежит какая-то изначальная тёмная бездна, и из недр её совершается процесс теогонический, процесс Богорождения; этот процесс есть уже вторичный по сравнению с этой первоначальной бесосновной, ни в чём невыразимой бездной, а абсолютно иррациональной, не соизмеримой ни с какими нашими категориями. Есть какой-то первоначальный исток, ключ бытия, из которого бьёт вечный поток, и в этот вечный источник извечно вносится Божественный свет, в нём совершается акт Богорождения. Это и есть один из «путей к раскрытию и постижению тайны возможности движения в недрах Божественной жизни» [4, с. 43–44]. Но вся сущность мирового процесса заключается в просветлении тёмного начала, затем в рождении Бога в человеке и человека в Боге и, наконец, в рождении Сына Божьего; «в центральной точке христианства, в лике Христа – Сына Божьего соединяются две тайны. Поистине в образе Христа совершилось рождение Бога в человеке и рождении человека в Боге, в этой тайне осуществилась свободная любовь между Богом и человеком...» [4, с. 45]. – Бог возникает... Но это значит, что он не вечен? – Нет, дело в том, что «бездна», не имеющая никаких свойств, может стать чем-угодно, т. е. она **в возможности есть всё.** И её можно понять, как Бога в **возможности**, иными словами, есть возможность Бога, а есть его актуальность. В актуальности он действует, **творит**, создаёт всё; в потенции – он **может** всё это сделать.

Таким образом удостоверяется и вечность Бога, и его историческое бытие, отделение от него свободы. Не Бог даёт людям свободу – она из «бездны», и там же коренится причина предмирного и предвечного греха. Тогда надо думать, что Бог не давал запрета на древо познания и не

он налагал наказание за непослушание? Свобода возникает – но не в Боге – потому, что Бог пожелал **свободной** любви и себе человека. «Если бы он не возжелал и не ждал свободы, то мирового процесса бы и не было бы. Вместо мирового процесса было бы неподвижное, изначально совершенное царство Божье, как необходимая, предопределённая гармония» [4, с. 46]. Это – свобода «совершенно иррациональная изначально» [4, с. 46]. Свобода есть метафизическое начало истории.

Со свободой решение остаётся не совсем понятным. «Для меня свобода находится вне Бога. В этом смысле я скорее дуалист, чем монист, хотя все эти слова неудачны», – писал Н. Бердяев в письме к Л. Шестову. Как видим, интерпретация Бердяева очень отличается от официальной религиозной версии. «...То, что Бог захотел человека, это значит, что Бог захотел свободной любви его» [4, с. 47]. Бог не уничтожил зло, так как он не хотел уничтожить свободу и свободную любовь к себе. Хотя остаётся не совсем понятным, почему свобода не заключена в Боге, даже если он желает свободной любви к себе человека. Ведь Бог может дать человеку свободу, и пусть тот сам выбирает, любить ему Бога свободно или нет.

Со свободой решение остаётся не совсем понятным.

Отход Бердяева от многих ортодоксальных решений и поворот к мистике дали основание многим критикам упрекать его в отсутствии здравого смысла. Так, Л. Шестов в критическом обзоре работы «*Sub specie aeternitatis*», которую он назвал «похвалой глупости», пишет: «В конце автор объявляет борьбу здравому смыслу, противопоставляя ему Большой Разум. Бердяев – писатель дерзкий по преимуществу, в его дерзости – его дарование, его философский и литературный талант» [21]. Шестов отмечает, что Бердяев часто меняет свои убеждения; как только он оставляет какие-либо идеи, он начинает их критиковать; сначала он отбросил Канта и Маркса, потом метафизику, затем ринулся в глубину религиозных откровений; какой ещё писатель так противоречит законам логики и ударяется в мистику? У него получается, что законы природы и существуют, и не существуют.

Более осторожно высказывается о Бердяеве Н. Лосский, который также отмечает погружённость автора в религиозную тематику: Божеество у Бердяева и сверхрационально, и иррационально, попытки выразить его в понятиях наталкиваются на антиномии. То же относится к свободе – она и рациональна, и иррациональна, отмечает Лосский. Он думает, что главная задача философа – соединить положительную и отрицательную теологию; Бог властвует над миром, но не над свободой. Н. Бердяев утверждает, что Бог не может даже предвидеть действия человека, поскольку они определены свободой, а в конечном счёте свобода – тайна. «Миф о грехопадении говорит о бессилии Создателя отвратить зло, вытекающее из свободы, которую он не создавал» [14, с. 127]. Удивляет Лосского то, что для Бердяева смерть необходима для полноты жизни; этот тезис необъясним и непонятен.

В обзоре уделяется внимание также тому, что мир для Бердяева – это мир феноменов, подменяющий мир ноуменов из-за грехопадения. Этот мир характеризуется отчуждением объектов, поглощением личности обществом. Новизна интерпретации философа видится в том, что в рай принимаются все, в том числе грешники: рай возможен только тогда, когда нет ни одного существа, которому был бы уготован ад.

П.П. Гайденко обращает внимание на то, что у Н. Бердяева человек объединяет три мира – Божественный, природный и дьявольский, а они все чреватые свободой. Надо отметить и то, что, по её мнению, человек с природной стороны, не личность, а индивид и должен стать личностью [11].

Это несомненное достоинство философии Бердяева, которое связывает с ним современных исследователей. Но, конечно, нельзя пройти мимо его мистических увлечений и невнимания к сложным противоречиям, вытекающим из его концепции. Для современных исследователей в его философии – большой и чрезвычайно интересный материал.

Другие критики выделяют совсем иные положительные или отрицательные черты Бердяевской концепции.

Книги Бердяева переведены на 20 языков, существует огромное количество монографий, статей. Л. Шестов писал: «В лице Н. Бердяева русская философская мысль предстала перед судом Европы или, пожалуй, даже всего мира» [20, с. 411].

Нельзя не признать, что разработка принципа творчества выгодно отличает Н. Бердяева от других мыслителей Серебряного века. Действительно, тот мир, в котором человек живёт, это вторая природа, это мир, созданный творческими действиями людей, – здесь Маркс не может быть опровергнут. Н. Бердяев близко подошёл к этой идее, и заслуга его в том, что он раскрыл связь творчества со свободой, с умножением мира и выделил здесь роль личности, что имеет большое значение в наши дни.

Список литературы

1. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 463 с.
2. *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб.: Вита Нова, 2012. 493 с.
3. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 254 с.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.
5. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с.
6. *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной истории: Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Астрель, 2008. 1005 с.

7. Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 615 с.
8. Бердяев Н.А. *Философия свободы*. М.: Путь, 1911. 278 с.
9. Бердяев Н.А. *Эрос и личность: Философия пола и любви*. М.: Прометей, 1989. 156 с.
10. Бонецкая Н. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) // *Вопросы философии*. 2009. № 4. С. 85–106.
11. Гайденко П.П. Мистический революционаризм Бердяева: Вступ. ст. // Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М.: Республика, 1993. С. 5–18.
12. Гуревич П.С. Н.А. Бердяев в контексте европейской философии // *Вестник славянских культур: науч.-информ. журн.* 2015. № 3 (37). С. 13–31.
13. Киселев Г.С. Как говорить о смысле истории? // *Вопросы философии*. 2016. № 5. С. 5–14.
14. Лосский Н.О. *История русской философии*. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
15. Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. М.: Академический проект, 2010. 775 с.
16. Самохвалова В.И. *Творчество: божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека*. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2007. 537 с.
17. Фёдоров Н.Ф. *Сочинения*. М.: Мысль, 1982. 709 с.
18. Цвален Р.М. Тринитарная концепция личности у Николая Бердяева и Сергея Булгакова // *История философии*. 2016. Т. 21. № 1. С. 151–159.
19. Чёрный Ю.Ю. *Философия пола и любви Н.А. Бердяева*. М.: Наука, 2004. 132 с.
20. Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Н.А. Бердяев: *pro et contra*. Кн. 1 / Сост. А.А. Ермичева. СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. С. 411–436.
21. Шестов Л. Похвала глупости. По поводу книги Николая Бердяева «Sub specie aeternitatis» // Н.А. Бердяев: *pro et contra*. Кн. 1 / Сост. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. С. 169–181.
22. Эххарт М. *Об отрешённости*. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 431 с.

HUMAN LIFE-PROJECT IN EXISTENTIALISM

Tamara DLUGATCH

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of the History of Western Philosophy RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

THE THIRD GOSPEL OF N. BERDYAEV

Existential thinking of N. Berdyaev is most clearly revealed in his interpretation of freedom and creativity. At the time when nothing was created, freedom to act was boundless. It revealed creative abilities and possibilities of man. These settings determine way of viewing history by the philosopher. Religious purpose coincides for him with the purpose of human existence understood in a completely new way. The introduction to all the problems of his philosophy was the “The Meaning of History”. History for Berdyaev is a movement of humanity which will come to its end; if there is no ending, there is no history. The question about the meaning of history is the question of the origin of evil in the world, of the pre-earthbound fall and of the temptation. The concept of “historical” is included in the consciousness of man, it affected all-encompassing feelings of not the immediate period, but of the entire stretch of history. The author of the article is convinced that the very idea that the life of human generations is the movement, entered, according N. Berdyaev, together with the Jewish religion; in religious views, it was connected with the hope of Messiah. He believed that the main theme is the destiny of man, which is the interaction of the human spirit and nature.

The history takes a number of steps, and on each of them a person has their own goal, their tasks, their desires. Berdyaev denies two former rather common historical concepts, though one of which he had admired before. It was Marx’s philosophy of history; now, Berdyaev argues that economic materialism takes as a basis only the external factors, not considering the life of the spirit. According to the author of the article, the accusation is not quite fair: Marx, as we know now, wrote about the life of spirit and creative impulses

of the individual; however their study was carried out in the works that were not known in those years, namely in “Philosophical-economic manuscripts” of 1844 and 1857 years.

Another point of view that caused the criticism of Berdyaev is a theory of progress, associated with Marxism. It is not only that progress is contradictory, and that alongside the positive features it contains negative ones. From this point of view every previous generation is sacrificed for the next. Earlier one is taken only as a kind of stage that prepares higher level and has no independent meaning. According to Berdyaev, each stage, each era has its own meaning – and in this he was certainly right.

To understand the meaning of history, N. Berdyaev divides it into several periods, based on religious interpretations and linking the movement of human history with the divine. This raises many problems, some are common with canonical theology, and others are typical only for him. Berdyaev not always solved these problems, but their very definition and even the approach to them, testify to the originality of his thoughts.

He introduces dynamics in divine history, to explain the appearance of man and of Christ; because they were not in the beginning of the Divine life; Jesus comes to redeem human sins and spread love in the human world, and the man because he is a perfect Divine creation. Creativity is the deepest mystery of man, Berdyaev defines; he creates, as the Lord God does out of nothing. God created the Earth and everything from **nothing**; man creates **unprecedented** out of **nothing**, by his acts he increases existence, multiplies it.

Repentance and cleansing are just one of the moments of human life; not only they are man’s fate. Berdyaev is convinced that they are only the **negative** side of life; the old Testament Christianity is not the complete and final truth. The second Evangelical Covenant also relates to the atonement of sin through divine love and grace. But is the final goal of life and existence in general exhaust by the mystery of the redemption, can the salvation from sin be considered the final task? – No, the author is convinced that the ultimate goals of existence are in a positive creative task. Human nature, like the Creator nature could not be created by God only to transgress, to atone his sin, and to put all their forces in the work of redemption throughout world history. This understanding, he believes, would diminish human dignity and does not correspond to the idea of the Creator.

In this context N. Berdyaev examines the phenomenon of creativity. He treats it as a path of spiritual liberation from the world, as the liberation of the human spirit from the bondage of need, as a great achievement of mankind. This is the path of spiritual authenticity and concentration. Captivity of the spirit by the world is a product of our sin. But we need to get rid of accusations that man is a sinful creature, a fallen creature, so he cannot join the path of the creative life. Rid by the atonement and repentance, one is rid from sin for a creative way. Because it is a great lie and a terrible mistake, hence grows indifference to the good, the rejection of courageous resistance to evil.

The creative act there is always liberation and overcoming. The horror, the pain, the weakness must be overcome with creativity, which is the outcome, victory. Human nature through the Absolute Man – Christ has become the nature of the New Adam and has united with the Divine. The infinite immanent help the person will find in himself, if he dares to reveal in him by the creative act all the forces of God and the world, the free world in contrast with the world of the ghosts.

Creativity in Berdyaev clearly associated with a person's freedom. In the context of the expressed justification for the creation and redemption there is also the idea, which lead to fundamental questions – the idea of pre-eternity and pre-earth of the fall; the idea is completely non-canonical and controversial.

According to the author, the principle of creativity distinguishes N. Berdyaev from other thinkers of the Silver Age. Indeed, the world in which man lives, is the second nature, is the world created by the creative actions of people – here Marx cannot be refuted. N. Berdyaev came close to this idea, and his contribution is the discovering of the relationship of creativity with freedom, with the augmentation of the world and highlighted the role of the individual, which is of great importance in our days.

Keywords: God, repentance, creativity, antropoginism, redemption, evil, freedom, Holiness, obedience, theodicy

References

1. Batishhev, G. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the Dialectic of Creativity]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997. 463 pp. (In Russian)
2. Berdyaev, N. *Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi* [Eros and the Person: Philosophy of Sex and Love]. Moscow: Prometey Publ., 1989. 156 pp. (In Russian)
3. Berdyaev, N. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: Institute of Russian civilization Publ., 2012. 615 pp. (In Russian)
4. Berdyaev, N. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow: Put' Publ., 1911. 278 pp. (In Russian)
5. Berdyaev, N. *Mirosozercanie Dostoevskogo* [The Philosophy of Dostoevsky]. Moscow: AST: Khranitel' Publ., 2006. 254 pp. (In Russian)
6. Berdyaev, N. *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 173 pp. (In Russian)
7. Berdyaev, N. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [Meaning of Creativity: Experience of Justification of the Man]. Moscow: G.A. Leman & S.I. Saharov Publ., 1916. 358 pp. (In Russian)
8. Berdyaev, N. *Sub'ektivizm i individualizm v obshchestvennoy istorii: Kriticheskiy etyud o N.K. Mikhaylovskom* [Subjectivism and Individualism in Social History: A Critical Sketch of N.K. Mikhailovsky]. Moscow: Astrel' Publ., 2008. 1005 pp. (In Russian)

9. Böhme, J. *Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [Avrora, the Day-spring or Dawning of the Day in the East or Morning-Redness in the Rising of the Sun]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2012. 493 pp. (In Russian)

10. Bonetskaya, N. “Apofeozy tvorchestva (N. Berdyaev i F. Nicshe)” [The Apotheosis of Creativity (Berdyaev and Nietzsche)], *Voprosy filosofii*, 2009, No. 4, pp. 85–106. (In Russian)

11. Chernyy, Y. *Filosofiya pola i lyubvi N.A. Berdyaeva* [The Philosophy of Love and Sex of N. Berdyaev]. Moscow: Nauka Publ., 2004. 132 pp. (In Russian)

12. Cvalen, R. “Trinitarnaya koncepciya lichnosti u Nikolaya Berdyaeva i Sergeya Bulgakova” [Trinitarian Concept of the Personality of Nicholas Berdyaev and Sergei Bulgakov], *Istoriya filosofii*, 2016, Vol. 21, No. 1, pp. 151–159. (In Russian)

13. Fedorov, N. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow: Mysl’ Publ., 1982. 709 pp. (In Russian)

14. Gaydenko, P. “Misticheskii revolyutsionarizm Berdyaeva: Vstup. st.” [Mystic Revolutionarism of Berdyaev: Foreword], in: N. Berdyaev, *O naznachanii cheloveka* [About a destination of man]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 5–18. (In Russian)

15. Gurevich, P. “Berdyaev v kontekste evropeyskoy filosofii” [N. Berdyaev in the Context of the World European Philosophy], *Vestnik slavyanskikh kul’tur*, 2015, No. 3, pp. 13–31. (In Russian)

16. Jekhart, M. *Obotreshennosti* [On Detachment]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001. 431 pp. (In Russian)

17. Kiselev, G. “Kak govorit’ o smysle istorii?” [How to Speak about the Meaning of History?], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 5, pp. 5–14. (In Russian)

18. Losskiy, N. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow: Sovetskiy pisatel’ Publ., 1991. 480 pp. (In Russian)

19. Marx, K. *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2010. 775 pp. (In Russian)

20. Samokhvalova, V. *Tvorchestvo: bozhestvennyy dar; kosmicheskiy printsip; rodovaya identichnost’ cheloveka* [Creativity: a Divine Gift; Cosmic Principle; Generic of Human Identity]. Moscow: RUDN University Publ., 2007. 537 pp. (In Russian)

21. Shestov, L. “Nikolay Berdyaev. Gnozis i ekzistentsial’naya filosofiya” [Berdyaev. Gnosis and Existential Philosophy], in: *N.A. Berdyaev: pro et contra* [N. Berdyaev: Pro et Contra], Vol. 1, ed. by A. Ermicheva. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1994, pp. 411–436. (In Russian)

22. Shestov, L. “Pokhvala gluposti. Po povodu knigi Nikolaya Berdyaeva «Sub specie aeternitatis»” [Praise of Folly. With Regard to the Book «Sub specie aeternitatis» of Nikolai Berdyaev], in: *N.A. Berdyaev: pro et contra* [N. Berdyaev: pro et contra], Vol. 1, ed. A. Ermichev. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1994, pp. 169–181. (In Russian)